

Царикаева Анжела Руслановна

"ХУЛИГАН-ЗАДИРА" (ИЗ ИСТОРИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ Г. ВЛАДИКАВКАЗА 1920-Х ГГ.)

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания и материалов периодической печати исследуются проявления хулиганства в повседневной жизни владикавказского социума 1920-х гг. Автор устанавливает социальный состав и возраст "владикавказских хулиганов". На наиболее типичных примерах демонстрируются формы хулиганства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 192-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Прогресс, связанный с окончательным утверждением по всему миру принципов западного индустриализма и связанного с ним культа материального потребления, эгоизма и межчеловеческой розни, покорения природы во имя своекорыстных интересов человека, – все это реалии техногенной цивилизации. Русский космизм не торопится соглашаться с такой позицией, а наоборот, предлагает конкретные альтернативы и пути выхода из такого тупика. Например, индустриальному Западу противостоит иная, не уступающая ему по богатству цивилизационная традиция Тибета, Китая, Индии и ряда других восточных стран, несущая в себе огромный потенциал духовности, коллективизма, достижения единства. Высокую общечеловеческую значимость культурных достижений Востока наряду с В. С. Соловьевым, С. Н. Булгаковым, В. И. Вернадским и Рерихами признает и Н. Ф. Федоров. Практически все космисты убеждены в самобытном историческом и космическом призвании России, не сводимом к перенятию принципов западного индустриализма. Мировоззренческое многообразие представлений русских космистов, их расхождения в видении проблем абсолютно не умаляют значимости и солидарности их космических проектов.

Н. Ф. Федоров на современном этапе развития отечественной мысли является символом устремленности в будущее, еще на рубеже XIX–XX веков осознавшим огромный потенциал человека и необходимость осмысления его роли и места с футурологических позиций. Грандиозные космические цели, достойные человеческого общества, ставят перед ним высокие требования научного, морального, социально-экономического толка, которые могут быть реализованы на основе длительного коллективного познания, опыта и труда.

Н. Ф. Федоров в «Философии общего дела» затрагивает огромное количество мировоззренческих, социально-политических, исторических и экологических вопросов, актуальность которых на сегодняшний день не исчезает, а наоборот, принимает более конкретные формы.

Список литературы

1. Федоров Н. Ф. Философия общего дела: в 2-х т. М.: АСТ, 2003.
2. Хабибуллина З. Н. Значение идей русского космизма в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. 4. С. 208–211.
3. Хабибуллина З. Н. Этические идеи русского антропокосмизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12). Ч. 1. С. 206–210.

N. F. FEDOROV'S TRANSFORMATIVE-ACTIVE PHILOSOPHY

Khabibullina Zilya Nailovna

Bashkir State University

Habibullina_Z@mail.ru

The article traces the world outlook significance of N. F. Fedorov's transformative-active philosophy. The domestic thinker, who was one of the originators of the Russian cosmism, which scientific-philosophical and practical significance is undeniable, managed to create a distinctive doctrine covering the social, political and spiritual aspects of the human activity aimed at the radical reorganization of the cosmos on the universal scale.

Key words and phrases: the Russian cosmism; world outlook; transforming activity; the Russian civilization; future.

УДК 94(47).084

Исторические науки и археология

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания и материалов периодической печати исследуются проявления хулиганства в повседневной жизни владикавказского социума 1920-х гг. Автор устанавливает социальный состав и возраст «владикавказских хулиганов». На наиболее типичных примерах демонстрируются формы хулиганства.

Ключевые слова и фразы: хулиганство; рабочая молодежь; девиантное поведение; дебош; драки.

Царикаева Анжела Руслановна

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова

guldaeva.ange@yandex.ru

«ХУЛИГАН-ЗАДИРА» (ИЗ ИСТОРИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ Г. ВЛАДИКАВКАЗА 1920-Х ГГ.)[©]

Изучение хулиганства играет существенную роль в исследовании социокультурного развития советского общества в целом и регионального в частности. Анализ степени его распространения и форм государственной

борьбы с ним позволяет не только представить действительность городской повседневности 1920-х гг., но и углубить представление о нэповском социуме.

В 1920-е годы советские города, в особенности провинциальные, буквально захлебнулись волной быстрого растущего хулиганства. Причинами этого явления стали переход от продолжительной войны к мирной жизни, массовая безработица, тяжелые жилищно-бытовые условия, малообразованность и низкий уровень досуговой культуры основной массы населения.

По частоте совершения хулиганских действий города далеко опережали сельские поселения. В то время в городах проживало около 17% населения страны, тогда как из общего числа хулиганских поступков на долю городов приходилось более 40% [16, с. 136], и Владикавказ в этом отношении не был исключением. Так, в 1923 г. в городе было зарегистрировано 4950 преступлений [11], в 1924 г. – 1652 [7], в 1925 г. – 1402 [Там же], в первой половине 1928 г. – 981 [11]. Данная статистика не в полной мере характеризует картину действительности в силу того, что часть преступлений регистрировались правоохранными органами как административные правонарушения либо вообще не фиксировались.

**Численность лиц, подвергнутых административному взысканию
(во Владикавказе) за хулиганство [1-13]**

Год	Всего (чел.)
1923	2098
1925	1148
1926	852
1928	433
1929 (за полгода)	390

На протяжении 1920-х гг. хулиганство определяет маргинальную повседневность горожан, в первую очередь, досуг и быт рабочей молодежи Владикавказа. Вполне нормальными явлениями были учинение ссор и драк, бесцельный шум, стрельба из огнестрельного оружия и пугачей, пение песен циничного содержания, приставание к прохожим, толкание, насмешки и издевательства над проходящими, касающиеся их внешности, одежды, подставление ног, натравливание собак, публичное отправление естественных нужд, надписи на заборах, оградах, стенах и на воротах домов, обмазывание их мазутом и пр. [9]. Хулиган являлся неотъемлемым типажом слободок Владикавказа, нагонявшим страх на мирных обывателей. Вот как описывает неизвестный автор образ городского хулигана тех лет:

Лик свиреп, задор в глазах,
Взгляд совсем, совсем не кроток...
Вот он – жупел и гроза
Наших улиц и слободок.
Он – задира и буян
И на улице, и дома.
Вот он – местный хулиган,
Всем известный и знакомый [10].

Возраст основной массы владикавказских хулиганов составлял 15-25 лет. Согласно данным статистики, большинство задержанных и привлеченных к ответственности хулиганов по своей социальной принадлежности являлись рабочими [3]. Так, например, из 390 человек, привлеченных к административной ответственности за первое полугодие 1929 г., 197 являлись рабочими [12]. Среди хулиганствующей молодежи, наряду с откровенными маргинальными элементами, было и немало комсомольцев. Архивные документы Владикавказского окружкома ВЛКСМ подтверждают тезис А. А. Слезина, что пьянство, хулиганство и уголовные преступления были основными причинами исключений из комсомола [17, с. 88].

Всплеск хулиганства был вызван рядом причин. Важным фактором его распространения являлось злоупотребление алкоголем. Согласно статистике, ежегодно во Владикавказе милицией задерживалось около 1000 торговцев араки. Только за один 1927 г. городом было выпито 75 000 ведер самогона [8]. Склонность к пьянству в рабочей среде во многом была обусловлена наследственным алкоголизмом. Весомый вклад в распространение этой формы девиации вносили также крайне тяжелые жилищно-бытовые условия. Из-за недостаточного жилищного строительства и дороговизны приличного съемного жилья рабочий люд, в основном, был вынужден селиться в частных коечно-каморочных квартирах, снимая угол, часть комнаты, а то и просто койку. В этих условиях спиртное позволяло отрешиться от трудностей повседневного бытия. Анализируя причины неуклонного роста пьянства среди рабочих, члены парткомов связывали их не только с плохо налаженным бытом, но и с недостаточно удовлетворенными культурными потребностями: «В отношении пьянства – почему мы пьем, да что же нам делать? В театр мы не можем ходить – нет средств, у ответработников есть бесплатные лежа, а у рабочих нет, ну он и пьет» [14, д. 66, л. 5].

Следствием неумеренных возлияний, как правило, становились драки, дебоши и иные хулиганские выходки. Местная пресса была полна сводками о криминальной активности пьяных хулиганов. Вот несколько типичных примеров: «по бульвару Пролетарского проспекта, особенно в дни отдыха, замечается огромное

количество пьяных. Это гуляет «арак». Слышится ругань, крики, оскорбления женщин» [15, с. 18]. «Коновалов, Сулейманов и Скрипченко устроили кутеж возле Апшеронской церкви. Изрядно выпив, компания стала «развлекаться», бросая в прохожих пустые бутылки и оскорбляя их площадной руганью» [6].

Хулиган редко «геройствовал» в одиночку. Он предпочитал делать это в группе, шайке [16, с. 140]. Во Владикавказе общегородскую известность получили такие шайки как «Кровавое кольцо» и «Вокзальная шайка». Их целью, помимо прочего, являлся срыв пионерской работы. Особенно прославилась банда «Кровавое кольцо». Она имела собственный криминальный почерк. Члены шайки обычно оставляли письма с угрозами своим «будущим жертвам». Так, например, из ящика для корреспонденций редакции газеты «Горская Правда» была вынута четвертушка бумаги, на которой черным карандашом сверху был нарисован череп с двумя скрещенными костями и написано: «Смертный приговор редактору. — Кровавое кольцо» [13]. В связи с этим Горский отдел ГПУ в секретном циркуляре от 19 января 1924 г. потребовал от начальника милиции принять самые серьезные меры к искоренению шайки путем задержания и привлечения к ответственности ее членов [19, д. 4, л. 10].

Весьма типичными стали преступления из хулиганских побуждений, такие как кража, разбойное нападение, убийство, изнасилование. Информационные сводки ОГПУ пестрели случаями подобного рода: «...10 октября был убит печник Борискин Александр ударом камня в голову, нанесенным работающим во Владикавказских железнодорожных мастерских А. Ляленко» [5]; «...в районе Сапицкой будки были изнасилованы сестры Александра и Валентина Саблины» [18, д. 220, л. 26]. В 1926 году широкий общественный резонанс получило так называемое «Чубаровское дело» над рабочими завода «Кооператор», изнасиловавшими девушку-рабфаковку. В 1929 г. во Владикавказе проходило аналогичное судебное дело над местными «чубаровцами». Группа празднично шатавшихся молодых парней (от 16 до 19 лет), грузин по национальности, 6 мая пристала в районе Сапицкой будки к двум гулявшим женщинам и изнасиловала их, избив при этом потерпевших и мужа одной из них. Вскоре семь из восьми насильников были арестованы, а дело «владикавказских чубаровцев» власти города превратили в показательный процесс, закончившийся вынесением жестких приговоров [15, с. 20].

Кампания по борьбе с хулиганством, начатая еще в 1922 г., не внесла весомого вклада в дело его искоренения, а только лишь усугубила и без того тяжелое положение. Более успешной явилась кампания второй половины 1920-х гг. Главной мерой борьбы с хулиганством была, прежде всего, отдача их под суд, а не привлечение к административной ответственности. Так, во Владикавказе за первый квартал 1926 г. к уголовной ответственности было привлечено — 467 человек, за второй — 189 [4].

В марте 1928 г. в Северной Осетии было принято постановление «О мерах борьбы с уличным хулиганством», за нарушение которого взимался штраф на месте в размере от 1 до 25 рублей или объявлялись принудительные работы сроком до двух недель [9]. Проводились показательные процессы, привлекавшие широкие слои населения. Для борьбы с хулиганством были организованы дружины из лучших комсомольцев, совершавшие обходы рабочих окраин в вечернее и ночное время, проводившие меры воспитательного характера. В наиболее опасных районах в праздничные и предпраздничные дни, когда хулиганство особенно ярко себя проявляло, выставлялись посты милиционеров, привлекался командный состав милиции [7].

В целом политика центральных и местных властей, направленная на борьбу с хулиганством, носила бессистемный характер и отличалась крайней противоречивостью, вследствие чего до середины 1930-х гг. хулиганство оставалось наиболее массовой формой девиантного поведения.

Список литературы

1. **Власть Труда.** 1924. 10 декабря.
2. **Власть Труда.** 1926. 9 октября.
3. **Власть Труда.** 1926. 10 октября.
4. **Власть Труда.** 1926. 12 октября.
5. **Власть Труда.** 1926. 13 октября.
6. **Власть Труда.** 1926. 17 октября.
7. **Власть Труда.** 1926. 20 октября.
8. **Власть Труда.** 1928. 25 января.
9. **Власть Труда.** 1928. 11 марта.
10. **Власть Труда.** 1928. 19 июня.
11. **Власть Труда.** 1928. 31 августа.
12. **Власть Труда.** 1929. 15 августа.
13. **Горская Правда.** 1924. 12 января.
14. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания (ГАНИ РСО-А). Ф. Р-2. Оп. 1.
15. Джиникаев Д. О., Царикаев А. Т. Теневые стороны жизни северокавказского города в период нэпа (на примере г. Владикавказа) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 9-2. С. 16-23.
16. Панин С. Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 135-154.
17. Слезин А. А. Роль комсомола в формировании политической культуры советского общества (1921-1929 гг. На материалах Центрального Черноземья): дисс. ... д.и.н. Тамбов, 2000. 545 с.
18. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р-41. Оп. 1.
19. ЦГА РСО-А. Ф. Р-299. Оп. 1.

**“HOOLIGAN-TEASE” (FROM HISTORY OF DEVIANT BEHAVIOR
IN WORKING ENVIRONMENT OF VLADIKAVKAZ IN THE 1920S)****Tsarikaeva Anzhela Ruslanovna***North-Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
guldaeva.ange@yandex.ru*

Basing on the documents of the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania and the materials of periodical press for the first time introduced into scientific circulation the demonstrations of hooliganism in the daily life of Vladikavkaz social medium in the 1920s are studied in the article. The author determines the social structure and age of hooligans in Vladikavkaz. The forms of hooliganism are demonstrated by the most typical examples.

Key words and phrases: hooliganism; young workers; deviant behavior; debauch; fights.

УДК 372.878

Педагогические науки

В статье рассматривается процесс развития способности к творческой интерпретации музыкальных произведений у студентов педагогических вузов в условиях инструментального класса (фортепиано). Показаны принципы организации данного процесса, компоненты творческой исполнительской интерпретации музыки и психолого-педагогические условия, обеспечивающие наибольшую эффективность ее развития. Приведены авторские методы развития способности к творческой интерпретации музыки, опирающиеся на опыт театральной педагогики, прежде всего на систему К. С. Станиславского.

Ключевые слова и фразы: инструментальный класс; фортепианное исполнительство; интерпретация музыкальных произведений; методы театральной педагогики; творческий диалог.

Цуркис Галина Львовна*Московский городской педагогический университет
tsourkis@bk.ru***СПОСОБНОСТЬ К ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МУЗЫКИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ
В ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ КЛАССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА[©]**

В настоящее время модернизация образования выдвигает новые требования к личности и профессиональному уровню учителя. Задачей высшей школы в этом контексте становится подготовка специалистов, готовых к постоянному профессиональному и духовному самосовершенствованию, способных к активной творческой деятельности, позитивному осмыслению и преобразованию окружающего мира, общества и собственной личности. Педагогика искусства в сфере высшего образования располагает большими резервами для решения этой задачи.

Подготовка будущих учителей музыки должна быть направлена на гармоничное развитие личности студентов и раскрытие их творческого потенциала. Школе необходимы компетентные, самостоятельно мыслящие, способные к грамотному прочтению, самобытному пониманию и убедительному толкованию музыки учителя. В связи с этим возрастает значимость исполнительского компонента в профессиональных компетенциях учителя музыки. Одной из важнейших задач его инструментально-исполнительской подготовки становится развитие способности к самостоятельной творческой интерпретации музыкальных произведений.

В инструментальном классе студент приобретает и совершенствует навыки чтения нотного текста, постижения образного содержания музыки и воплощения его различными исполнительскими выразительными средствами, тем самым развивая способность самостоятельно интерпретировать музыку разных эпох и стилей. Для понимания особенностей процесса развития данной способности, прежде всего, важно уяснить само понятие творческой интерпретации.

В наиболее общем плане, интерпретация в искусстве – это истолкование смысла произведения, основанное на сущностной многозначности художественного образа. Само слово «интерпретация» в переводе с латинского («interpretatio») означает «разъяснение, толкование». Философия рассматривает категорию интерпретации как одну из фундаментальных операций мышления, которая заключается в придании смысла любым проявлениям духовной деятельности человека, объективированным в знаковой или чувственно-наглядной форме. В практике музыкального исполнительства интерпретация – это процесс личностной звуковой реализации нотного текста.

Необходимость активного осмысления исполняемой музыки, казалось бы, не подлежит сомнению. Такие мастера пианизма как Г. М. Коган, Г. Г. Нейгауз, С. Е. Фейнберг, заложившие фундамент отечественной теории интерпретации, неоднократно подчеркивали важность для исполнителя собственного творческого отношения